

Мозг решает раньше, чем ты

Опыт, который якобы отменил свободу воли, — и что он показал на самом деле

Философия · 13–17 лет · 15 минут

В приборе видно, что мозг начинает готовить движение за полсекунды до того, как человек осознаёт своё решение. Из этого сорок лет делают вывод, что выбора нет. Вывод спорный, но сам вопрос от этого только интереснее.

Опыт, о котором все слышали

В начале 1980-х нейрофизиолог Бенджамин Либет поставил опыт, который с тех пор цитируют в каждом разговоре о свободе воли.

Устройство простое. Человек сидит перед быстро бегущей точкой на циферблате. Ему говорят: согни запястье когда захочешь, без всякого повода, просто по собственному побуждению. И запомни положение точки в тот момент, когда **осознаешь своё желание** это сделать.

Одновременно снимают электрическую активность мозга и мышц. Результат оказался неуютным.

Активность в мозге, предшествующая движению, начиналась примерно **за полсекунды до** того момента, который человек называл моментом своего решения. Мозг начинал готовить движение раньше, чем человек узнавал, что собирается его сделать.

Готовность мозга опережает ощущение решения

Отсюда вывод, который сделали сразу и повторяют до сих пор: решение принимается без тебя, а ощущение выбора — позднее уведомление о том, что уже решено.

Вывод звучит сокрушительно. Разберём, насколько он обоснован.

Что на самом деле показал опыт

Начнём с претензий к самому опыту — их много, и они серьёзные.

Измерялось ощущение, а не решение. Испытуемый сообщал, когда он **заметил** своё намерение. Заметить что-то и сообщить об этом — операция, которая сама требует времени и сама неточна. Сравнить показание секундомера у мозга и у самонаблюдения — сомнительная процедура.

Задача была пустой. Согнуть запястье без всякой причины «когда захочется» — не похоже ни на одно решение, которое мы называем выбором. Там нет доводов, нет последствий, нет взвешивания. Возможно, изученное явление касается лишь беспричинных дёрганий.

Ранняя активность может быть не решением. Позже показали, что похожая волна возникает и тогда, когда человек в итоге **не** двигается. Есть модель, по которой это вообще фоновые колебания активности, а движение случается, когда колебание совпало с порогом. Тогда «готовность» — не команда, а шум.

Право вето сохранялось. Сам Либет отмечал: между появлением готовности и движением остаётся промежуток, в который человек успевает движение отменить. Он называл это свободой не-воли: выбор может быть не в запуске, а в остановке.

Итог такой. Опыт показал нечто важное о том, как мозг готовит движения. Он **не показал**, что обдуманное решение принимается без участия человека, — потому что таких решений в нём не изучали.

Более старая задача

Но было бы нечестно закрыть вопрос критикой одного опыта. Задача про свободу воли старше нейрофизиологии на два тысячелетия, и опыт Либета её лишь освежил.

Если всё имеет причину, где помещается выбор

Сформулируем строго.

Всё в мире имеет причины. Твой мозг — часть мира, состоит из вещества и подчиняется тем же законам. Значит, каждое состояние твоего мозга вызвано предыдущим состоянием — и так до момента, когда тебя ещё не было.

Тогда твоё решение было предопределено всем, что происходило раньше: генами, воспитанием, тем, что ты ел на завтрак, разговором пять лет назад. Где здесь место для выбора?

Возражение «но есть случайность, мир не полностью предопределён» не спасает. Если решение случайно, оно тем более не твоё: монетка не свободнее часов.

Вот эта развилка — либо всё определено, либо случайно, и ни то ни другое не похоже на свободу — и есть суть задачи.

Детерминизм

Утверждение, что каждое событие полностью определено предшествующими причинами и законами природы. Важно отличать его от фатализма: фаталист считает, что исход наступит независимо от твоих действий, детерминист — что твои действия входят в цепочку причин и поэтому имеют значение, просто сами тоже вызваны причинами. Разница практическая: из фатализма следует «можно не стараться», из детерминизма — не следует.

Три ответа

За две тысячи лет позиции оформились в три семейства.

Жёсткий детерминизм: свободы нет. Всё определено, ощущение выбора — иллюзия. Позиция последовательная, и у неё есть сильное следствие: если человек не мог поступить иначе, то и наказывать его не за что.

Либертарианство: свобода есть, и она особого рода. Человек способен начать причинную цепочку заново, не будучи её звеном. Позиция привлекательная и трудная: неясно, чем такое начинание отличается от случайности и как оно вписывается в физику.

Компатибилизм: спор о словах. Самая распространённая сегодня позиция. Её сторонники говорят: вы неправильно определили свободу. Свобода — не отсутствие причин, а **отсутствие принуждения**.

Разберём третью подробнее, потому что она интереснее всего.

Свобода как отсутствие принуждения

Сравни два случая.

В первом ты остался дома, потому что захотел. Во втором — потому что тебя заперли.

В обоих случаях твоё состояние имело причины. Но разница между ними очевидна всем, и она практическая: в первом случае действие вытекало **из тебя** — из твоих желаний, ценностей, соображений. Во втором — из внешней силы, которая тебя перебила.

Компатибилист говорит: вот это и есть свобода, и другой не надо. Свободен тот, чьи действия определяются его собственными состояниями, а не наркотиком, угрозой, принуждением или болезнью.

Возражение очевидно: но ведь и желания у меня возникли не сами по себе, их тоже что-то вызвало.

Ответ: да, и это не отменяет разницы. Ты и есть эта цепочка причин — не пассажир в теле, а сам процесс. Требовать, чтобы решение возникло у тебя **без причин**, — значит требовать, чтобы оно возникло не у тебя.

Позиция многим кажется жульничеством: подменили сильное понятие слабым. Но у неё есть важное достоинство: она объясняет, почему мы на практике различаем «сделал сам» и «заставили», и почему это различие работает.

Что делать с ответственностью

Теперь к тому, из-за чего спор вообще важен.

Вся человеческая жизнь построена на предположении, что человек мог поступить иначе. Наказание, похвала, обещание, обида, благодарность — всё это предполагает выбор.

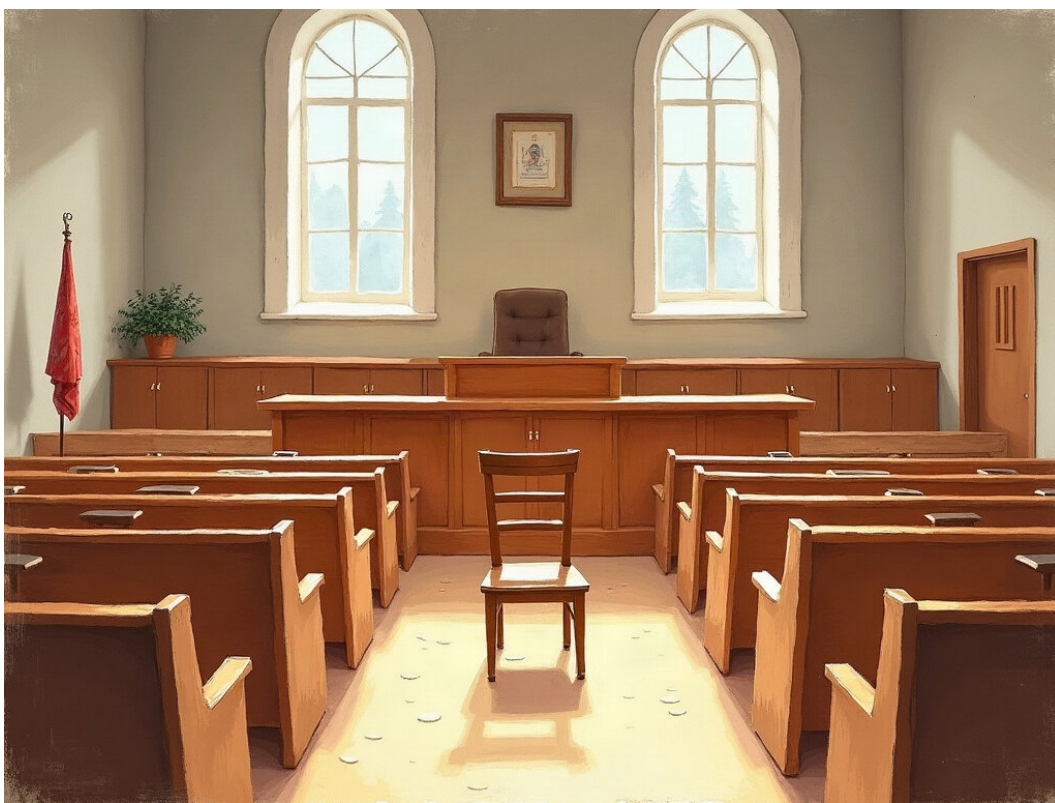
Если выбора нет, что с этим делать?

Есть три подхода, и стоит различать.

Отказаться от вины, сохранить последствия. Опасного человека изолируют не потому, что он заслужил, а потому, что иначе он опасен. Как карантин: больной не виноват, но его ограничивают. Логично — и многим кажется бесчеловечным, потому что убирает уважение к человеку как к действующему лицу.

Сохранить ответственность как инструмент. Наказание и похвала влияют на будущее поведение — и своё, и чужое. Даже если прошлое было предопределено, будущее зависит в том числе от того, наказываем ли мы. Ответственность работает как обратная связь, а не как возмездие.

Сохранить ответственность по существу. Так считает компатибилист: человек действительно ответственен, потому что действовал по своим соображениям, а не по принуждению. Никакой подмены тут нет.

Вся наша система ответственности предполагает, что человек мог иначе

Стоит заметить: во всех трёх случаях **последствия сохраняются**. Ни из одной позиции не следует, что можно делать что угодно. Это важно, потому что практический вывод «свободы воли нет, значит, я ни в чём не виноват» — самая частая и самая неверная реакция на весь этот разговор.

Вредно ли сомневаться в свободе воли

Вредно. Есть исследования, в которых людям давали прочитать текст, отрицающий свободу воли, и после этого они чаще списывали и меньше помогали другим. Похоже, убеждённость в собственной ответственности сама по себе удерживает от дурного; расшатывая её, мы убираем опору.

Не вредно, а полезно. Те же опыты повторялись с переменным успехом, и величина эффекта под вопросом. Зато есть обратная сторона: люди, понимающие, что поступки имеют причины, склонны к меньшей жестокости в наказаниях и к большему интересу к тому, что довело человека до преступления. Истина не обязана быть удобной, а вредной её делает не она сама, а неверный вывод из неё.

Обе стороны сходятся в одном: разница между «причины есть» и «я ни при чём» огромна, и именно её чаще всего не замечают.

Что можно унести

Несколько вещей, полезных независимо от того, к какой позиции ты склонился.

«Решение» — процесс, а не момент. Ощущение мгновенного выбора обманчиво: к моменту, когда ты его замечаешь, подготовка идёт давно. Отсюда практическое: влиять на решения выгоднее заранее, а не в точке.

Условия сильнее силы воли. Раз поступок вытекает из состояния, а состояние — из обстоятельств, разумнее менять обстоятельства. Убрать телефон из комнаты надёжнее, чем решать не брать его в руки.

Причины не отменяют ответственности. Понимать, почему человек поступил так, и оправдывать его — разные действия. Их постоянно смешивают, причём в обе стороны.

И к себе то же самое. Знание о причинах собственного поведения даёт не оправдание, а рычаг: понял, что срываешься от недосыпа, — теперь есть что чинить.

Кто на самом деле «я»

За всем спором прячется вопрос, который обычно не формулируют, а без него разговор буксует.

Когда говорят «мозг решил раньше, чем я», подразумевается, что мозг и «я» — разные участники. Будто внутри сидит некто, кому мозг присылает уведомления.

Стоит эту картинку проговорить вслух, и видно, что она странная. Что это за «я», отдельное от мозга? Где оно находится? Чем думает?

Если же признать, что **ты и есть то, что происходит в твоей голове**, вопрос меняется. «Мозг решил раньше меня» превращается в «часть меня решила раньше, чем другая часть об этом узнала». А это уже не отменяет решения — это описание того, как решение устроено.

Сравни с ходьбой. Ты не отдаёшь мышцам команд по очереди, и осознанного управления каждым шагом у тебя нет. Никто не считает, что поэтому идёшь не ты.

Отсюда более точная формулировка всего опыта Либета: не «решение принято без тебя», а **«сознание — не то место, где принимаются решения»**. Оно скорее место, где решения замечаются, оцениваются и иногда отменяются.

Это менее сенсационно и гораздо ближе к тому, что видно в измерениях. И заодно объясняет, почему человек часто не может объяснить, почему поступил так: объяснение сочиняется позже, той частью, которая не участвовала в решении.

Главное в трёх строчках

- Опыт Либета показал, что подготовка движения начинается раньше осознания намерения, но изучал он беспричинные дёргания, а не обдуманный выбор, и выводы из него сильно преувеличивают.
- Настоящая задача старше и строже: если всё имеет причины, выбор некуда поместить, а если решение случайно — оно тем более не твоё.

- Самый распространённый выход — определить свободу как отсутствие принуждения: свободен тот, чьи действия вытекают из его собственных соображений, а не из внешней силы.

Вопросы для размышления

- Чем «я мог поступить иначе» отличается от «я поступил бы иначе, если бы захотел»?
- Если понимание причин поступка не оправдывает его, зачем тогда вообще разбираться в причинах?
- Почему случайность не даёт свободы, хотя вроде бы избавляет от предопределённости?